

УДК 82:81

**Языковые особенности обозначения
фольклорно-мифологического пространства
романа А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни»**

Воронина Т.Н.

*Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда, Россия*

В статье исследуются языковые особенности романа А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни», обусловленные влиянием славянского фольклорно-мифологического контекста и задачами реконструкции мифологического пространства.

Ключевые слова: лингвокультурология, неомифологизм, пространство, топоним.

Постановка проблемы. Одна из ключевых проблем лингвокультурологии – это исследование культурных смыслов слова, широкого эстетического контекста его употребления, изучение художественных задач, определяющих выбор языковых средств для создания эстетических образов. Как отмечал В. В. Колесов, «в слове может быть образное, понятийное и символическое содержание. Все ключевые слова культуры в любом развитом языке именно таковы» [1, с. 26]. В связи с этим представляется интересным проследить индивидуальное использование автором языковых средств для реконструкции мифопоэтического пространства, с одной стороны, глубоко укорененного в народной культуре, а с другой – вписанного в европейский мифологический контекст.

Анализ последних исследований. Последние десятилетия характеризуются повышенным интересом к проблемам межкультурной коммуникации, соотношения языка и ментальности. Эти проблемы исследуются в таких отраслях лингвистической науки, как когнитивная лингвистика (Е. С. Яковлева, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.), лингвокультурология (В. В. Колесов, В. А. Маслова и др.), этнолингвистика (Н. И. Толстой, Т. И. Вендина, Г. В. Калиткина, С. Е. Никитина и др.). Как одно из важнейших достижений современной лингвистики В. А. Маслова отмечает тот факт, что «язык уже не рассматривается «в самом себе и для себя»; он предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека» [4, с. 6]. Взаимосвязь языка народа и национального сознания отражается в литературе, преломляясь через призму индивидуального авторского видения. Таким образом, «язык выступает средством создания вторичной, художественной картины мира, которая отражает картину мира создателя художественного произведения» [6, с. 8].

Цель и задачи. В данной статье исследуются языковые особенности романа А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни» в ракурсе идеи реконструкции мифологического пространства в контексте языковых и культурологических традиций начала XX века.

А. А. Кондратьев своей творческой задачей считал художественную реконструкцию мифопоэтического мировидения, о чем неоднократно высказывался как в личной переписке, так и в печатных выступлениях. Материалом для подобной реконструкции стала для писателя сначала античная, а затем славянская мифология, что априори требует отвлеченности от чрезмерной узнаваемости и конкретности места действия. Кондратьеву удается создать идеальный автономный мир, лишенный связи с окружающей действительностью, но в то же время живой и зримый. Роман «На берегах Ярыни» (1930 г.) написан на материале славянской мифологии и относится к послереволюционному периоду творчества А. Кондратьева. Для писателя славянский материал в силу своей природной близости и локализованности в изначально знакомом и освоенном автором пространстве оказался органичнее не менее хорошо изученной и любимой, но все-таки в культурном отношении более далекой античности.

Само обращение к фольклорному материалу закономерно подразумевает активное использование в художественном тексте народной речи. В романе «На берегах Ярыни», при всей его этнографичности, крайне мало употребляются элементы народного слова: диалектизмы, особенности фонетики и тому подобные составляющие национального колорита. Язык романа, несмотря на временами используемые для передачи устной речи селян сниженную лексику (*харя, хрыч, брешут*), особенности «простонародного» произношения (*сурьезное, беспременно*) и словообразования (*поседки, ихние*) не выходит за рамки общелитературного и практически не наделен чертами, характерными для малороссийской деревни.

Конкретные языковые черты южнославянского пространства реализуются прежде всего в употреблении топонимов и личных имен. Действие романа локализовано вокруг Ярыни – глубокой, широкой, мутной реки. В. Н. Топоров рассматривает название «Ярынь» в ракурсе мифопоэтической и языковой реконструкции. «В основе этого образования <...>, вероятно, нужно видеть контаминацию двух названий рек, хорошо знакомых жителям Ровенщины, среди которых (в частности, во время работы над романом) был и Кондратьев, а именно – Горынь (укр. Горинь, вар. Горина) и Ярунь» [8, с. 48]. Ученый также соотносит название реки со словом «яр» – «крутой, обрывистый берег» и корнем -яр-, объединяющим в народной этимологии значения «полнота жизненной силы», «страсть» и «весна», «тепло», «весенний приплод» [8, с. 49-50]. Ярынь репрезентирует все названные смысловые комплексы, символизирует и квинтэссенцию природного животного начала, олицетворением которого в романе являются концентрирующиеся в и вокруг реки демонологические персонажи, и границу между человеческим и сверхъестественным мирами, и отсылает к конкретному географическому пространству Ровенщины, с которым была связана судьба А. Кондратьева.

Доминирующая, организующая роль образа реки подчеркивается в названии еще одного места действия романа – села *Зарецкого*. С одной стороны, это типичное славянское именование населенного пункта. С другой – топоним отсылает к месту, расположенному за рекой, т. е. координаты которого в пространственном отношении определяются относительно главной точки отсчета – в данном случае Ярыни. Так особенности пространственной организации романа отражаются в номинации центральных мест его действия, когда ядром повествования является демонологический мир, локализованный в реке и на ее берегах, а зона человеческого (село Зарецкое) находится на периферии.

Характерно, что А. Кондратьев, конструируя «гео-этническую панораму» (термин В. Н. Топорова)¹ романа, избегает упоминания сколько-нибудь конкретных географи-

ческих названий. Помимо Ярыни и Зарецкого, где сосредоточено действие, имеются весьма скудные упоминания об окружающем пространстве: есть «дальнее село», из которого приглашают «знающего человека», чтобы вылечить Максима; тетка Домны жила когда-то в *Курской губернии* у господ. Сам факт отсутствия топонимов, даже вымышленных, и конкретики в описании местности «работает» на художественную задачу автора: создание мира одновременно конкретного и обобщенного, изолированного от живой современности и, при общей укорененности в природе и народной славянской культуре, не привязанного к определенным географическим координатам.

Однако при всей сосредоточенности писателя на демонологическом бытии и намерении «стереть» указания на исторические и местные реалии, в тексте можно вычленить черты быта малороссийской деревни, проявляющиеся в том числе и в языковом материале. Прежде всего это, как уже говорилось ранее, само название реки Ярынь, отсылающее к хорошо известной А. Кондратьеву области на юге украинского Полесья, между Горынью и Ярунью. Этой локализации соответствуют имена людей, как русские или общеславянские (*Ипат Савельев, Гордеевы, Федька Рыжий, Онисим Щербатый, Антон, Параха, Зинка, Акулина* и др.), так и украинские (*Гордейчуки, Степанчуки, Сеня Волошкевич, Горпина, Марыська, Ганна, Праскуха* и др.). В романе можно увидеть и отголоски русско-украинского двуязычия. В частности, упоминается о том, что Зарецкое разделено на «русскую» и «украинскую» части: есть «кацапская» и «хохлацкая» стороны села. На святки деревенские девушки Матрунька и Зинка бегали гадать в «большой помещицье клуне» [2, с. 332]. Как известно, «клуней» на Украине и в южных областях России называют гумно, молотильный сарай. Любопытен факт сопоставления русской и украинской традиций сельской культуры в эпизоде переименования главной героини романа – Аксютки: «*Найденного под елью ребенка, <...> взяли в свое время сначала бездетные Гордейчуки, а когда лет через пять оба они в одну неделю померли от холеры, Марыськина девчонка, получившая от людей имя **Ксеньки** (или **Ксаньки**) перешла на попечение дальней их родственницы, Праскухи. Жившая на кацапском конце деревни и сама больше кацапка, чем хохлушка, старуха переименовала своего приемыша в **Аксютку** и очень к ней привязалась*» [2, с. 439]. В данном случае речь идет не собственно о переименовании, а об употреблении разных вариантов имени Ксения. В тексте эти варианты соотносятся с украинской (*Ксенька*) и русской (*Аксютка*) национальными языковыми традициями. Показательно, что само имя – Ксения – в переводе с греческого имеет значение «чужой, чужеземный» [5, с. 137], что подтверждает сущность героини – дочери болотной бесовки, попавшей в мир людей и постоянно ощущающей свою двуприродность, «особость». Думается, что для А. Кондратьева, прекрасно знавшего древнегреческий язык, такой выбор был не случаен.

«Гео-этническая панорама» романа выстроена предельно обобщенно, абстрагирована от конкретного места действия, что в том числе проявляется в использовании нейтрального языкового материала. Реконструировать реальную географическую локализацию действия позволяют немногочисленные этнически окрашенные слова и личные имена, а также обращение к этимологии названия «Ярынь».

Вместе с тем роман ориентирован на воссоздание общеславянской и – шире – европейской архаической модели мира. А. Кондратьев, большую часть творчества посвятивший теме античности, стремится вписать мифологическое пространство Ярыни в европейский контекст. Лигвистическими маркерами этого стремления являются те же топонимы и личные имена божеств. Так, давая характеристику богини Зимы, автор

вводит в повествование перечисление разных имен персонажа и пускается в рассуждения относительно их этимологии: «На крыльях полных ветров прилетела седая **Зима**. <...> Она помнила еще время, когда была богиней морского тумана и смерти, причиняемой Морем. Тогда ее звали **Марина** или **Мара-Марена**. Потом стали звать царевной **Марьей Моревной**, а в заключение – **Зимней Матреной**» [2, с. 327]. Кондратьев объединяет этимологически родственные общеславянские мифологические имена *Марена* и *Мара*, сказочное *Марья Моревна* с латинским *Марина* и с именем христианской святой *Матрены*. Если *Марена* и *Мара* (а косвенно и *Моревна*) соотносятся со смертью и сезонным умиранием / воскресанием природы, то *Марина* восходит к латинскому *marinus* – морской. Матрена же поставлена в этот ряд не только по причине внешнего созвучия, но и благодаря связанной с именем датой народного календаря, 22 ноября, когда «зима встает на ноги» [3, с. 564]. Другой пример стремления автора вписать повествование в более широкий контекст: «С Успеньева дня уже «засыпается» **Красное Солнышко**, царственная небесная богиня, которую русские зовут «**Красное лето**», а древние греки называли прекрасною **Лето**, мать Дажбога и Лунной богини, покровительницы невест и охоты **Летницы-Дзеванны-Дианы**» [2, с. 326]. Отталкиваясь от сходства имен, Кондратьев совмещает славянские и античные мифологические персонажи, устанавливает их внутреннее родство: греческая *Лето* предстает в славянском облике персонифицированного времени года, как мать *Дажбога* и *Летницы-Дзеванны*. Тем самым писатель намекает и на параллели между Дажбогом и Аполлоном, который был сыном Лето и отождествлялся с солнцем.

Лето и Зима не только наделены универсализированными именами, основанными на совмещении славянской и европейской мифологий. Персонажи имеют свои обобщенно изображенные обиталища, расположенные, согласно античности, в сущности действующих лиц, на полярных сторонах земли, соответствующих оппозициям «север – юг» и «тепло – холод». Прибежищем Зимы являются «болотистые леса **Сарматии**» и «прохладные равнины обильной травой **Скифии**» [2, с. 327]. Лето обитает в «далеких заоблачных странах, над теплыми синими морями» в «расписном косяцатом тереме» [2, с. 330]. Писатель вводит позднеантичные названия Восточной Европы, а именно территории Северного Причерноморья. Если иметь в виду, что место действия романа соотносится с Западной Украиной, то возникает явное географическое противоречие: Зима прилетает туда не с севера, как должно, а с юга (из *Сарматии*, *Скифии*). Дело здесь не в ошибке автора, а скорее в сознательном использовании географии Птолемея с целью создания единого мифологического космоса. Кондратьев вписывает персонажей в древнюю модель пространства, где центром является античное Средиземноморье, по отношению к которому Сарматия и Скифия являются Севером, а «заоблачные страны над теплыми синими морями» – Югом. Такое расположение подчеркивает универсальность образов времен года и пространства их локализации, имеющего «сдвинутый» относительно Малороссии, места непосредственного действия романа, географический центр. Так, используя позднеантичные географические названия, писатель помещает славянский мир в античную систему координат.

Выводы. Таким образом, анализ языковых особенностей обозначения пространства романа А. Кондратьева «На берегах Ярыни» позволяет утверждать, что на реальный субстрат произведения указывают прежде всего название реки – *Ярынь*, появившееся в результате наложения топонимов *Ярунь* и *Горынь*, а также личные имена персонажей (*Сеня Волошкевич*, *Гордейчуки*, *Степанчуки*, *Горпина* и пр.) и не-

многочисленные этнически окрашенные слова (*кацапка, хохлушка, клуня*). Автор намеренно избегает упоминаний в тексте как конкретных жизненных реалий, так и географически привязанных именовании. Кондратьев немногочисленными языковыми средствами создает образ малороссийской деревни, в которой соседствуют русско-украинские традиции. Для писателя более значимой является идея встраивания славянского мира в античное культурное пространство, что просматривается в обозначенных в романе сочетаниях личных имен божеств (*Марина-Мара-Марена-Матрена, Лето-Лэто, Летница-Дзеванна-Диана*) и древних географических «координатах» (*Скифия, Сарматия*).

Перспективы дальнейших исследований. Наши наблюдения позволяют реконструировать актуальные черты художественного мира А. А. Кондратьева. В дальнейшем видится перспективным проанализировать концепт «пространство» и особенности его вербализации в творчестве А. А. Кондратьева и – шире – в художественной концепции русского неомифологизма. Это даст возможность в будущем сделать более масштабные выводы о специфике концептосферы и её речевой репрезентации в русской литературе XX века.

Список литературы

1. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
2. Кондратьев А. А. Сны: Романы, повесть, рассказы. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 544 с.
3. Криничная, Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора / Н. А. Криничная. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
5. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 384 с.
6. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
7. Топоров В. Н. «Гео-этнические»¹ панорамы в аспекте связей истории и культуры (к происхождению и функциям) / В. Н. Топоров // Культура и история. Славянский мир / отв. ред. И. И. Свирида. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 23-61.
8. Топоров В. Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века. Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни» / В. Н. Топоров. – Trento, 1990. – 328 с.

¹«Под гео-этнической панорамой следует понимать максимально широкий по диапазону, синтетически-обобщающий по характеру способ «разового» узрения целого, дающего ответ на поставленные выше три вопроса – где? (пространство, представляемое страной-землей или населяющим его народом), когда? (время), кто? (держатель власти над этим пространством в это время)» [7, с. 30].

Вороніна Т.Н. Мовні особливості позначення фольклорно-міфологічного простору роману А.А. Кондратьєва «На берегах Ярині» // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 1. – С. 259-264.

У статті досліджено мовні особливості роману А.Кондратьєва «На берегах Ярині», зумовлені впливом слов'янського міфологічного контексту.

Ключові слова: лінгвокультурологія, неоміфологізм, простір, топонім.

Voronina T. Linguistic peculiarities in the space of A.A. Kondratiev's novel "on the banks of the yaryn" // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 1. – P.259-264.

The linguistic peculiarities in space of A. Kondratiev's novel "On the banks of the Yaryn" are under analysis. They are determined by the influence of Slavic folk and mythological context and the aim of reconstruction of mythological space.

Key words: lingvokulturology, neomythologism, space, toponym.

Поступила в редакцію 05.04.2012 з.